

И. Е. Лоцилов
**ПОЭТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ ВЛАДИМИРА ДЕРЖАВИНА:
 СРЕДНЕАЗИАТСКИЕ СЮЖЕТЫ***

УДК 821.161.1

ББК 83.3(2)6

Владимир Васильевич Державин (1908–1975) хорошо известен как мастер перевода, но его оригинальное поэтическое творчество не изучено и не издано в полном объеме. При жизни поэта вышла всего одна книга его стихотворений (1936). С 1940 г. он печатался исключительно в качестве переводчика, но продолжал писать стихи до конца жизни. В статье содержится краткая библиографическая справка о В. В. Державине, а также публикуется 8 его стихотворений, объединенных среднеазиатской темой. С литературой, языками и культурой республик Средней Азии Державина связывала работа над переводами эпической и новой поэзии, а также биографические обстоятельства (эвакуация в Ташкент). Пять стихотворений публикуются впервые, еще три — с важными текстологическими уточнениями, сделанными на основании анализа материалов из частных и государственных архивов.

Ключевые слова: *художественный перевод, русская поэзия советского периода, Средняя Азия*

Единственная прижизненная книга поэта Владимира Васильевича Державина (1908–1975) вышла в 1936 г.¹ Два года спустя Державин вместе с С. В. Шервинским, К. А. Липскеровым и А. С. Кочетковым берется за перевод «Давида Сасунского».² Последняя из оригинальных поэтических публикаций относится к 1940 г.³ Она связана с поездкой поэтов-переводчиков армянского эпоса на Кавказ. В последующие годы Державин печатался исключительно в качестве переводчика.⁴ На сайте

«Век перевода» о поэте говорится: «Как человек Державин был очень изолирован от коллег по цеху».⁵ После его смерти вышла лишь одна небольшая книжка стихотворений.⁶

Стихи Державина высоко ценили не только М. Горький, А. Фадеев и В. Луговской, но и О. Мандельштам, М. Волошин, А. Ахматова, Б. Пастернак... Павел Антокольский писал: «Державин был известен как переводчик с самых разных языков мира, а между тем он, как говорится, поэт Божьей милостью!»⁷

С литературой, языками и культурой республик Средней Азии Державина связывала не только работа над переводами эпоса, древних и новых поэтов, но и биографические обстоятельства, частично оговариваемые в кратких примечаниях к публикуемым ниже стихотворениям.

Тамерлан⁸

А когда охватила меня
 Перепрелая сырость бульваров,
 И легли ожерельем в туман
 Янтари фонарей...
 Я услышал —
 За синью

¹ Державин В. В. Стихотворения. М., 1936.

² Давид Сасунский: Сказание о четырех поколениях сасунских богатырей. Армянский народный эпос / пер. В. В. Державина, А. С. Кочеткова, К. А. Липскерова и С. В. Шервинского. М., 1939.

³ Державин В. В. Из кавказской тетради // Знамя. 1940. № 4/5. С. 52–57. Подробнее о биографии поэта и библиографии его произведений см.: Лоцилов И. Е. «Большие поэмы» Владимира Державина и поэтика стихотворения А. С. Пушкина «Осень (Отрывок)» // La poesia Russa da Puškin a Brodskij. E ora? Русская поэзия от Пушкина до Бродского. Что дальше? / Ideazione e cura di C. Scandura. Roma, 2012. P. 35–72; Он же. Владимир Державин: Путешествие в «Недосягаемое далеко» // Литература путешествий: культурно-семиотические и дискурсивные аспекты: сборник научных статей. Новосибирск, 2013. С. 428–464.

⁴ См.: Владимир Державин: био-библиографический указатель / сост. Е. П. Быллырытова. Якутск, 1977.

Лоцилов Игорь Евгеньевич — к.филол.н., доцент кафедры русской литературы и теории литературы Института филологии, массовой информации и психологии, с.н.с. сектора литературоведения Института филологии СО РАН (г. Новосибирск)
 E-mail: loshch@yandex.ru

* Работа подготовлена в рамках интеграционного проекта СО и УрО РАН «Х.106.53. Литература и история: сферы взаимодействия и типы повествования»

⁵ См.: [Витковский Е. В.] Владимир Державин (1908–1975). URL: <http://www.vekperevoda.com/1900/vderzhavin.htm> (дата обращения: 25.02.2014).

⁶ Державин В. В. Снеговая корчага: стихи и поэма. М., 1979 (Библиотека «Огонек». № 30).

⁷ Антокольский П. Г. Счастье дарования // Литературная газета. 1978. 29 нояб. № 48 (4698). С. 6.

⁸ РГАЛИ Ф. 1364 (С. В. Шервинский). Оп. 4. Ед. хр. 687. Л. 32–37; Ф. 1563 (Редакция журнала «Пролетарский авангард»). Оп. 2. Ед. хр. 148.

Раскатисто стыли удары,
Отдаленно-ликующий топот коней.

Мне подумалось:
Что это?
Галлюцинация?
Или?..
Нереальна реальность?..
Но вдруг ощутил:
За спиной
Распахнулись в полнеба
Тяжелые, черные крылья,
И упала толпа,
И пропала Москва подо мной.

Грудь раздвинулась шире,
И дрожь пробежала по телу...
Я
Как будто не я...
Облик странный,
И кровь горячей...
А вдали
Это Азия стелется войлоком белым!
Это топот набегов
Со свистом раскосых мечей!

Степь

Летела, крутясь, подо мной
В ослепительном холоде,
И лицо обжигал
Раскаленный киргизский буран...
... но над юртой Тимура
Узорные щелкали пологи,
И морозно гремел
Боевой барабан.

Голубели озера во льдах...
Подкопытные кованы...
Грохотали щиты...
Колыхался орды океан...
И под солнцем жестоким,
Сверкая литыми подковами,
На монгольском коне
Проскакал Тамерлан.

И тотчас же
Помчались вослед
Бунчуки и хвостатые шлемы,
С металлическим звоном
Ломая прохрустлый тростник.
Вечерели высоты.
Пугливо и немо
День за горы склонил
Обмороженный лик.

За тенгизом⁹ из зарослей
Высунул морду тигровую
Желтый месяц.
И грозная ночь развила
Знамя черного шелка
С каймою багровою,
Звездоглазое знамя,
Воскрылье степного орла.

Я глядел и пьянел:
Вдалеке подымались пожары,
Застывала с шипением сталь
В обгаренных снегах...
И меня
В эту ночь
Полонили звериные чары,
Завертел в высоте
Необъятно широкий размах.

Раскалила мне сердце
Жестокая древняя удаль,
Был я там,
Среди них,
Как они,
На горячем коне,
И валил супостатов
В кровавые груды,
И палил неподатливых
В пьяном огне.

Позабыл я былое...
Промозглую жизнь на панели,
Бакалейную мудрость
Иссохших мозгов...
Здесь зрачки дикарей,
Расширяясь,
Как полночь, темнели,
И душа, как буран,
Не имела нигде берегов.

Было так:
Города
Отдаленно в дыму подымались.
Пел набат.
И какой-то степняк волочил
Полонянку по снегу...
И косы, развившись, трепались,
Как большие заморские змеи,
Лишенные сил.

Сквозь гортанную речь,
Конский храп в напружиненной стыни,

⁹ Тенгиз — степное озеро (примеч. авт.).

Битвой взбешенный, я
Продирался один сквозь толпу.
Изожгла мое тело и дух
Вековая гордыня,
Иссосал мои мысли
Широкий, ликующий
Путь.

И крылатое знамя
Я поднял,
Вступив на ступени
Тамерлановых башен, над толпами...
Бунт!..
Бунчуки...
Смутно помню:
Летели над степью
Гигантские тени,
Покрывая тенгизы...
Снега... Тростники...

И смутнее еще:
...Зов на бой!
Бездыханная схватка
Костенеющих лап;
И глухое падение тел.
Это пропасть обманов!
...Как быстро закончилась схватка
У обрызганных мозгом
И пурпуром стен.

Неужели я бредил?
Но в сердце
Вжигался упорно
Взгляд твой, жгучий и желтый,
Мой призрачный
Недруг и брат!
Есть забвенья вражды!
Излеченье от зависти черной!
Раскрывающий сердце
Широкий
Холодный булат!

О, палач!
О, как прям,
Простодушен
И страшен
Взгляд твой желтый!
Как прям и могуч твой удар!
...В синеву уплывали
Лиловые контуры башен,
По снегам рассыпаясь,
Погас отдаленный пожар.

Март 1928 г.

Детство Державина прошло в Кологриве, в доме бабушки Е. В. Пановой, среди книг, доставшихся по наследству от дяди, нижегородского издателя и библиофила, народника

А. В. Попова (1865–1903). «Богатая библиотека его была перевезена в кологривский дом Евдокии Васильевны Пановой и стала настоящим университетом для внука Володи».¹⁰ История, археология и этнография были постоянными спутниками поэзии Державина. В одном из поздних автобиографических набросков поэт писал, вспоминая ранние годы: «...“лекции” (живые увлекательные рассказы деда о древней истории (Эллада, Персия, Ахемениды, Диадохи, Аршаниды, Рим)) — Геродот, Плутарх; книги — Витрувий (в связи с интересом к истории искусств) <...> и бесконечное чтение [(из-за болезни в детстве)], бесконечное количество источников, книг (названия которых я не вспомню) [выздоровление, школа], занятия музыкой, живописью и писанием стихов».¹¹

Туркестан¹²

Каменнотелый
Белобородый Урал.
К стеклам вагонным приплюснута лунная
харя.

Стройные сосны
Нестройно бегут по горам,
Тяжкими шапками вслед безнадежно махая.

Дальше Киргизия,
Сыр-Дарья,
Синий бамбук...
Дальше Чарджуй
И горячие груди барханов.
А в Бухаре
Дромадер на зыбучем горбу
Гордо меня понесет ко дворцу Тамерлана.

Своды пустынные...
(Был здесь когда-то гарем),
Сонные вздохи бассейна с иссякшим
фонтаном,

¹⁰ Коптяева А. Д. Золотое звено // Дружба народов. 1983. № 12. С. 231.

¹¹ Выражаю признательность приемному сыну Державина А. Б. Слонимеру (Москва), предоставившему мне хранящиеся у него материалы творческого архива поэта.

¹² РГАЛИ. Ф. 613 (Редакция журнала «Красная Новь»). Оп. 1. Ед. хр. 1135. Л. 1–2. Машинопись. Стихотворение в составе подборки из 4 стихотворений с приложением письма на бланке Государственного издательства РСФСР: «Литературно-художественный Отдел препровождает для использования стихи В. Державина “Туркестан”, “Индостан” и “Скачки”. Просьба сообщить нам о последующем. Москва 1928». Подписи завотделом и секретаря неразборчивы; сверху резолюция: *Возврат. Сообщить, что для нас стихи не подходят. Санников.* Санников, Григорий Александрович (1889–1969) — поэт. Обнаружена еще одна машинописная копия; название изменено — «Стихи о Туркестане»; текст разбит на четверостишия (РГАЛИ. Ф. 1364. Оп. 4. Ед. хр. 687. Л. 31).

Смутно грустя, я гляжу с развалившихся стен
На серебрястые
Солончаки Туркестана.

И оживают в медвяном бреду предо мной
Странные толпы.
В подковообразные арки
Бьет, рассыпаясь, крылатой волной
Дикая песня пленной болгарки.

В этих покоях воитель менял
Скрежет булата,
Горячку пронзительной сечи
На заглушенно-звонящий
Кимвал
И на прохладные женские плечи.

Шорохи...
Тени...
Азийский, могучий закат...
Неизмеримо-высокий эмалевый купол.
Сумрак пугая,
Неслышно спускаюсь назад
По оползающим
Каменно-гулким уступам.

Час правоверных —
Зейкал!
Обратив на восток
Взоры,
Творят возлияние смуглые люди.
Тихо вползает под полог степной ветерок.
Нежно вздыхают барханы, как сонные груди.

Март 1928 г.

*Туркестан*¹³

В сухой степи морская соль хрустит,
И розовеют раковин ладони.
В пыли арба огромная скрипит,
Ревут ослы и всхрапывают кони.

По ржавым скатам лентясы гурты
Овец, изнеможенных курдюками.
Как из колючей проволоки жгуты,
Кустарники за потными шатрами.

Безвлажный вечер на пески упал.
На горизонте в сумерках угарных
Чудовищным горбом чернеет вал,
Дремучий лагерь полчищ легендарных.

Здесь смолк давно протяжный топот орд
И гром щитов воловьих пред кострами.
Завоеватель был хитер и горд,
А все ж убит своими же рабами.

Задолго до него здесь был другой,
Как он, ни в чем не встретивший преграды!
Сверкнул рыжеволосой головой
И сгинул сын разбойничьей Эллады.

Быть может, он воздвигнул этот вал
И по ночам, в солончаковой скуке,
О Персии тоскуя, простирал
В прозрачный мрак обутленные руки.

Где ныне соль и серебро бархан,
Там в необъятном голубом «когда-то»
Шумел широкошумный океан
Под музыку палящего пассата.

И пенились попутные валы,
Тяжелыми качая кораблями,
И звучных мачт упругие стволы
Под полными трещали парусами!

Хоть с лишним шесть десятков тысяч лет
Шумливая громада испарялась,
Остался Каспий — влажной мощи след —
И соль на днище высохшем осталась.

И люди по морскому дну прошли,
Воюя и твердь воздвигая.
Но океан с нагорбленной земли
Вновь хлынет, котловину затопляя!

1928 Июль

*Октавы*¹⁴

I

У края плоскогорий, на стремнинах,
Где быстрый воздух жгуч и разрежен,
Где грифов круг на ледяных вершинах
В гранитное раздумье погружен,
Я странствовал. И в золотых низинах
Витал мечтою, явственной, как сон.
Но рев лавин иль гулкий прах обвала
Бред нарушали. И свой путь устало

II

Я продолжал. Бесснежный блеск высот
Вонзался в твердь мертво и напряженно,
И вновь над хризолитом дольных вод
Мне грезились неласковые жены.
Упругих кос тяжеловесный мед
В упругие закручивая кроны,
Они негромко пели, как всегда,
И очи их сияли чище льда.

III

Привет мой вам, луга родного берега!
Привет тебе, минувшего удел!

¹³ РГАЛИ. Ф. 1364. Оп. 4. Ед. хр. 687. Л. 42–43. Автограф;
Ф. 1563. Оп. 2. Ед. хр. 148. Л. 6. Машинопись.

¹⁴ РГАЛИ. Ф. 1364. Оп. 4. Ед. хр. 687. Л. 19–21. Машинопись.

Росистый блеск и снеговая нега
 Влюбленных в утро беспорочных тел
 В великолепном опьяненье бега!
 Я удержать вас в сердце не сумел.
 И вот за то от вас отторгнут ныне
 Из теплой мглы в бездушные пустыни.

IV

Рассудок, что жесток и плоск, как сталь,
 Здесь властвует. О сладкий тлен былого!
 Ты прочерствел и потускнел, как даль
 Под черным спудом чугуна ночного!
 Но все ж бесшумнокрылая печаль
 Меня несет туда, где свист багровый
 Сырых костров, и цок, и храп коней,
 К золотым равнинам родины моей.

V

Под рыжим мехом кованые латы.
 Тугой руке послушных лезвий лязг.
 Совиный вопль. Глухие перекаты
 Гонимых стад. Пыры и рокот пляск.
 О том, как расточительны закаты,
 Как неисходен час глубоких ласк,
 Когда бойца измученная выязь
 Льнет на бугры взволнованно-живые.

VI

Достойна победителя награда.
 В узорной юрте вычурные сны,
 И отроки, живых очей отрада,
 Женоподобной прелести полны.
 Склонясь над спящим, кисти винограда
 Вплетают кротко в огненные льны
 Его кудрей. И пряный хмель курений
 Свивается вкруг глиняных коленей

VII

Внимательных богов. А поутру
 Дрожит и нарастает ликованье
 Блаженной плоти. Говорливый труд
 Там так же прост и легок, как дыханье,
 А в праздники под гомон светлых труб
 Над жертвенниками ланит пыланье,
 И красные одежды, и огни...
 О где вы, торжествующие дни?..

VIII

Я навсегда утратил вас. Терзай,
 Грызи меня, глухое сожаленье!
 Теперь иной мне уготован край,
 ..... иные вожделенья...
 .....

IX

Там юность протекла моя. И там
 Смуглянки-музы утренней порою
 Пегаса моего по ковьялям

Пылающим водили к водопою.
 Я слышу, как он скачет по горам
 С закинутой за тучи головою,
 И ржанье гордое его, как гром,
 Мне говорит о буйственном былом.

* * *

Я помню желтые пески, и степь,
 И россыпь юрт на пастбищных увалах...
 Рогов Тянь-Шаня пасмурную цепь,
 И глыбы туч на синих перевалах,
 И всадников в халатах и мехах,
 В остроконечных лисьих колпаках.

Там юность протекла моя, и там
 Смуглянки-музы утренней порою
 Пегаса моего по ковьялям
 Пылающим водили к водопою.
 Был звонок плеск ручья, и свеж рассвет.
 И конь мой ржал. И го́лосно в ответ

В отгоне жеребьята отзывались,
 И гомон в стане утреннем вставал.
 ...Отары отгоняли в горы за лес,
 За дальний дымно-синий перевал...
 И время утренней еды настало,
 И сало в круглых казанах вскипало.

Впервые опубликовано: Державин В. В. Снеговая корчага. М., 1979. С. 25. Приводим текст с отсутствующей в этой публикации разбивкой на строфы, которая осуществлена по автографу из личного архива А. Б. Слонимера. Время создания стихотворения пока не поддается уточнению. Начало второй секстины («Там юность протекла моя...») совпадает с первой половиной строфы IX стихотворения «Октавы», созданного, как и все сохранившиеся у Шервинского сочинения Державина (30 стихотворений), до 1930 г. (см. выше). Автобиографичность этого и предыдущего стихотворений, по всей видимости, мнимая: детство поэта связано с Нерехтой и с Кологривом, а юность прошла в Москве. Возможно, в этих стихотворениях отзывается память об отце поэта, Василии Семеновиче, до революции получившем медицинское образование. «В советское время Василий Семенович уехал на работу в Среднюю Азию, где дальнейшая его судьба затерялась».¹⁵

* * *

Туман над сонной Согдианой.
 Пески и камыши в дыму...
 Широко под луной туманной
 Блестит латунная Аму.

¹⁵ Масленников А. А. Вглядываясь в прошлое. М., 2011. С. 72.

Чуть брезжит свет дороги звездной,
Чуть плещет в камышах река...
Чу! Мерный звон в тиши морозной
Доносится издалека...

На этот смутно озаренный
Бескрайний караванный путь
Как бы из дали довременной –
Доносится сквозь ночь и жуть...

1945–1946

Впервые опубликовано: Лоцилов И. Е. Владимир Державин: Путешествие в «Недосягаемое далекó» // Литература путешествий. Новосибирск, 2013. С. 460–461. Черновой автограф из архива А. Б. Слонимера, синие чернила; в правом верхнем углу зарисовка на ориентальную тему: минарет, пальмы, всадники на верблюдах; дата поставлена позже шариковой ручкой.

На оборотной стороне листа фонетическая запись начальной строки одной из газелей Хафиза (مرمجم هایس کشم وت لامج راد هن آ باتغأ ی) «Когда лицо твое, как солнце, в зеркале чаши отразилось...»¹⁶) на фарси:

Хофиз (Хазал(ь))

Эй, ОфтОб | ОйинадОри | джамОли – ту.
Мўшки съОх | Маджъмара гарДони | Оли – ту.

Державин не только много переводил узбекских поэтов, но и пережил в 1941–1944 гг. эпопею ташкентской эвакуации — с женой и тремя детьми, из которых в Москву вернулись только двое.¹⁷

Забывшие строки

I

Сквозь тёмную дрему помню
Ручья кипение вешнее,
Заброшенную каменоломню,
Обросшую дикой черешнею.

(Скупые робкие строчки
Отроческого дневника
Как лопающиеся почки
Прибрежного ивняка.)

II

Славлю ныне и присно
Сияние мирного дня!
Бушует турсук кумысный
Из цельной шкуры коня.

Гремя, трехдневное бродит
Степных кобылиц молоко.
А время, как скифы, уходит
В бесписьменное далеко.

III

Скачут, камчами махают...
Ставьте большие кясы!
Мчатся и радостно лают
Встреч им лохматые псы.

Ветру открыты престолы
Синих отлогих холмов.
Пышно распахнуты полы
Круглых пастушьих шатров.

IV

В шапках остроконечных,
В валяных чапанах,
Вижу их — внешне беспечных
На вздрагивавших конях.

Лисы их малахаев
Золотом зыбким текут.
Лица — скажу не охаяв, —
Словно у бронзовых будд.

V

Милых исчезнувших души
Да не пройдут стороной!
Быт необычный пастуший
Всюду, навеки — со мной.

Пахнет он дымом кизячным,
Солью, полынью степной.
Тающий в полдне вчерашнем
Да не пройдет стороной!

VI

Кружит над лагерем птица,
Держит в глазах кругозор...
...Русских усталые лица,
Чайник и спецразговор:

— Тут бы нам сакской культуры
След достоверный найти!..
(Ты мне аббревиатуры
И варваризмы — прости!)

¹⁶ Хафиз. Лирика: пер. с фарси. М., 1963. С. 103.

¹⁷ Подборку свидетельств о ташкентском периоде в жизни Державина, среди которых воспоминания Н. Я. Мандельштам, Л. К. Чуковской, Г. С. Эфрона и др., см.: Лоцилов И. Е. Владимир Державин... С. 454–458.

VII

Блёя, долиной пустынной
 Пыльное стадо пройдет.
 Свежестью утра полынной
 Вечер в лицо мне пахнёт.

Я не бегу от погони,
 Что же за мною везде
 Фыркают, плещутся кони
 В желтой Дарьинской воде?

Автограф из архива А. Б. Слонимера (7 л.), синие чернила. На л. 1 вариант названия: [*Страницы дневника*]. На л. 2 слева вверху: *найми / где*. На л. 7 под текстом: *Усилить*.

* * *

Тимур! Какою горестною мерой
 Ни мерился бы образ твой в веках,
 С благоговением твой череп серый
 Секунды две я продержал в руках.

Ночь наступила. Мир притихший тёмн.
 Чуть теплятся огарки в кабаках;
 И по Ташкенту Бог идет, как снóумен —
 В худом плаще, в дырявых башмаках.

Igor E. Loshchilov

Candidate of Philological Science, Institute of Philology of the Siberian Branch of the RAS
 (Russia, Novosibirsk)
 E-mail: *loshch@yandex.ru*

VLADIMIR DERZHAVIN'S POETIC HERITAGE: CENTRAL ASIA

Vladimir Derzhavin (1908–1975) is well known for his translations of poetry, however his own original work was not yet researched or published in full. Only one book of his poems was published during his lifetime (1936). Beginning from 1940 all his publications were exclusively translations, however he continued writing his own poetry all his life. The article contains a brief bibliography of V. V. Derzhavin's publications as well as 8 of his poems all of which had been inspired by Central Asian motifs. The literature, languages, and culture of Central Asia were quite close to Derzhavin because of his work on translation of both epic and modern poetry, as well as the circumstances of his life (evacuation to Tashkent during WWII). Five poems have been published for the first time, the other three contain significant textological corrections made on the basis of both private and public archives research.

Key words: *Vladimir Derzhavin, literary translation, Russian poetry of the Soviet period, Central Asia*

REFERENCES

- Antokolskiy P. G. *Literaturnaya gazeta* (Literary Newspaper), 1978, November 29, № 48 (4698), pp. 6. (in Russ.).
 David Sasunskiy: *Skazanie o chetyrekh pokoleniyakh sasunskikh bogatyrey. Armyanskiy narodnyy epos* [David Sasunskiy: The Legend of the four generations of Sasun heroes. Armenian folk epic]. Moscow: Khudozhestvennaya literature Publ., 1939, 336 p. (in Russ.).
 Derzhavin V. V. *Snegovaya korchaga: stikhi i poema* [Snow korchaga: poems and poem]. Moscow: Pravda Publ., 1979, 32 p. (in Russ.).

Впервые опубликовано: Лоцилов И. Е. Владимир Державин: Путешествие в «Недосягаемое далекó» // Литература путешествий. Новосибирск, 2013. С. 461. Автограф из архива А. Б. Слонимера, карандаш. Предположительно относится к началу 1960-х гг. На оборотной стороне листа синими чернилами записан драматургический набросок: «...(Хватаясь за [сорочку] галстук и вытаскивая из-под него нагрудный крест) О, Боже! Христе Спасителю! [Владычица] Заступница Усердная! Микола Мирликийский! Во что я верю то? Во что?»

Точных сведений о том, что Державину довелось держать в руках череп Тимура, нет, однако это вполне допустимо. Вскрытие усыпальницы Гур-Эмир состоялось в Самарканде 21 июня 1941 г. — по удивительному совпадению, за день до начала войны. Останки Тимура и его родственников были перевезены в Ташкент для лабораторных исследований и были преданы земле в Самарканде лишь 20 февраля 1942 г.

Своеобразным «пуантом» стихотворения является употребление англицизма *снóумен* (snowman), т. е. *снежный человек*, «йти».¹⁸

¹⁸ См., например: Рацек В. И. Загадка снежного человека. Ташкент, 1962.

Derzhavin V. V. *Stikhotvoreniya* (Poems). Moscow: Sovetskiy pisatel, 1936, 106 p. (in Russ.).

Derzhavin V. V. *Znamya* (The Banner), 1940, № 4/5, pp. 52–57. (in Russ.).

Khafiz. *Lirika* [Hāfez-e. Lyrics]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatelstvo khudozhestvennoy literatury Publ., 1963, 224 p. (in Russ.).

Koptyaeva A. D. *Druzhiba narodov* (Friendship of the peoples), 1983, № 12, pp. 231–237. (in Russ.).

Loshchilov I. Ye. *La poesia Russa da Puškin s Brodskij. E ora? Russkaya poeziya ot Pushkina do Brodskogo. Chto dalshe?* [Russian poetry from Pushkin to Brodsky. What's next?]. Roma: Edozioni Nuova Cultura, 2012, pp. 35–72. (in Russ.).

Loshchilov I. Ye. *Literatura puteshestviy: kulturno-semioticheskie i diskursivnye aspekty* [Travel literature: cultural semiotics and discourse aspects]. Novosibirsk: SITs NGPU “Gaudeamus” Publ., 2013, pp. 428–464. (in Russ.).

Maslennikov A. A. *Vglyadyvayas v proshloe* [Peering into the past]. Moscow: Russkiy souvenir Publ., 2011, 138 p. (in Russ.).

Ratsek V. I. *Zagadka snezhnogo cheloveka* [Riddle Bigfoot]. Tashkent: Yesh gvardiya Publ., 1962, 112 p. (in Russ.).

Vitkovskiy Ye. V. Available at: URL: <http://www.vekperevoda.com/1900/vderzhavin.htm> (accessed February 25 2014). (in Russ.).

Vladimir Derzhavin: *bio-bibliograficheskiy ukazatel* [Vladimir Derzhavin: Bio-bibliography]. Yakutsk: Yakutskoe knizhnoe izdatelstvo Publ., 1977, 64 p. (in Russ.).